

О ШЕНФЕЛЬДЕ А. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ШЕНФЕЛЬД Алоизий Матвеевич, родился в 1872 в селе Гнилушки Камышинского уезда Саратовской губ. Окончил Саратовскую духовную семинарию, в 1895 — рукоположен. С 1895 — служил викарием в селе Костгайм, с 1898 — в селе Рождественское, с 1903 — в Ставрополе, с 1905 — в Симферополе, с 1911 — в Ямбурге, с 1923 — в Одессе. В 1924 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Вятку. После освобождения вернулся в Зиновьевск Одесской области. В 1932 — был под следствием, позднее — освобожден из тюрьмы с лишением избирательных прав. В 1934 — неоднократно приезжал в Киев для совершения богослужений в храме Св. Александра, а также в греко-католических церквях. Власти не раз предупреждали его, чтобы не появлялся в Киеве, после третьего вызова объявил верующим, что больше не сможет приезжать к ним. 29 июля 1935 — арестован как «участник фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережной Украине». 14 мая 1936 — приговорен к 5 годам ИТЛ. В июне 1936 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Клара Кистнер, воспитанница Алоизия Шенфельда.

<25 июня 1936>

«Многоуважаемая Тов<арищ> Пешкова,

Мне сказали люди, испытавшие на себе жизненные неприятности и получившие от Вас поддержку, чтобы и я обратилась к Вам. По национальности я немка, жила с детства в немецкой колонии Костгейм возле Мелитополя, дочь столяра. После 9 лет, когда лишилась родителей, — меня взял на воспитание бывш<ий> там католический ксендз. У него я прожила сначала в Зиновьевске, а в 1934 г<оду> переехала с ним же в Киев, о чем, между прочим, пришлось очень пожалеть теперь. Он мне предложил ехать, и я тогда условилась, что буду учиться в Киеве и, вообще, перейду на самостоятельную жизнь.

В августе я должна была пойти учиться, а в июле 1935 г<ода> его арестовали, и тут окончились все мои планы. Когда человек очутился в несчастье, хоть и по своей вине, но я оставить его не могла из-за личных интересов. А когда меня тоже вызвали в качестве свидетеля, я могла пробыть и один день, могла и бесконечно, зависело от моих слов. По глупости пришлось посидеть 3 месяца. Когда вернулась, — меня уже выявили, а соседи и знающие меня люди стали мне еще мешать во всем, вместо помощи. В конце концов, на меня заявили: сначала по месяцу, а потом и на 3, паспорт у меня Зиновьевский.

Вопрос об учении, конечно, был отброшен, я стала искать работу; довольно скоро поступила курьером в Редакцию газеты на вечернюю работу, справлялась вполне, и мною были довольны и, несмотря на это, когда узнали, кто я, — сняли с работы. Через месяца 2 опять поступила в мастерскую художественную курьером-уборщицей с правом учиться рисовать и вышивать. Это было почти то, о чем я мечтала, т<ак> к<ак>, не имея средств, поступать учиться — нечего и думать; но в это время окончилось дело моего хозяина, и тут уже понадобилось пойти в Допр¹, куда его перевели, а затем и на свидание, т<ак> к<ак> собирались скоро выслать. Передачу я кое-как передала в 8 ч<асов> утра с маленьким опозданием на работу, а для свиданья понадобилось скрыть перед заведующей, — я считала невозможным и, вообще, не умею. Она меня на свидание не отпускала, а предложила оставить работу; это было 16/VI, а

¹ Допр — Дом предварительного заключения.

17 ночью его выслали, и когда я пришла 19/VI с передачей, его уже не было, и неизвестно, куда услали. Я очутилась без работы, без средств, без опекуна, который по-своему все-таки заботился обо мне.

Вот поэтому я и обращаюсь к Вам: я совершенно одинока в городе и, вообще, у меня нет никого близких. Неизвестно, в каком городе есть старш<ий> брат в Красной Армии, я молода, здорова, хочу учиться, работать, быть полезна обществу и государству, а не имею возможности, потому что, мне кажется, куда я ни поступлю и скажу, что я прожила детство у такого человека, да еще он сейчас в ссылке — меня немедленно сократят. Но сейчас же дети не отвечают за родителей, и, вообще, право на труд имеют все граждане, почему же я такая неудачливая и несчастная, что должна отвечать за чужие грехи?

У меня к Вам две просьбы: 1) Написать мне — где находится высланный из Киева 17-18/VI кс<ендз> ШЕНФЕЛЬД Алоизий Матвеевич, дабы я могла ему выслать те вещи, о которых он просил при последнем свидании, а также просьба помочь ему материально, а если для Вас это возможно — просить Киевский НКВД, чтобы ему выдали часть его сбережений, которые находятся у них.

В отношении меня — очень прошу написать: что мне делать, чтобы иметь возможность существовать честно, т<о> е<сть> работать и учиться, чтобы стать человеком — и полноправной гражданкой СССР. Уехать из Киева некуда, а в последнем месте, где мы жили, — я тоже потеряла квартиру, если бы я там оставалась сразу, не приезжая в Киев, — имела бы, конечно, угол, и люди там более отзывчивы, но ехать и начинать жизнь сначала — невозможно.

Умоляю Вас, тов<арищ> Пешкова, прочесть это лично и спасти меня от моего безвыходного положения.

Когда я узнаю адрес Шенфельда и сделаю все необходимое для него — с меня свалится половина жизненных неприятностей, потом начну заботиться исключительно об устройстве себя»².

6 апреля 1938 — Алоизий Матвеевич Шенфельд скончался в лагере, похоронен на лагерном кладбище³.

² ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 5255. Автограф.

³ Книга Памяти. Мученики Католической церкви в СССР. М.: «Серебряные Нити», 2000. С. 191.